

Литературный факт 2026. № 3 (41)
Literaturnyi fakt [Literary Fact], no. 3 (41), 2026

Научная статья

18+

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-204-233>

<https://elibrary.ru/RUSKZG>

Literaturnyi fakt [Literary Fact],
no.3 (41), 2026

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Эхо убийства Коцебу: образ Бакалавра в трагедии Гёте «Фауст. Часть 2» как демоническая маска эпохи

© 2026, И.Н. Лагутина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Аннотация: В статье рассматривается малозаметная, но концептуально значимая сцена с Бакалавром из второго акта трагедии И.В. Гёте «Фауст. Часть 2» в контексте идеологических и культурных трансформаций посленаполеоновской Германии. Предметом исследования выступает образ Бакалавра как художественная репрезентация демонизированной интеллектуальной молодежи эпохи студенческих союзов («буршеншафтов»). В исследовании сочетаются историко-литературный анализ и культурно-философская интерпретация текста, привлекаются архивные материалы, следственные протоколы, письма современников, дневниковые записи и размышления самого Гёте. Особое внимание уделено анализу риторики Бакалавра, в которой язык идеалистического субъективизма Фихте приобретает экстатическое религиозно-пророческое звучание. Впервые выявлены связи между двумя центральными монологами Бакалавра и радикальной публицистикой студенческих лидеров 1810-х гг., а также высказываниями реальных исторических фигур, таких как Карл Занд или Вит фон Дёринг. В статье обосновывается тезис, что сцена с Бакалавром является не просто сатирой на молодое поколение романтиков, но художественным и философским комментарием эпохи. Гёте показывает, как романтическая идея субъективной воли, доведенная до абсолюта, подменяет размышление и диалог риторикой разрушительного действия, достигшей кульминации в убийстве драматурга Августа фон Коцебу.

Ключевые слова: И.В. Гёте, Фауст. Часть 2, Бакалавр, студенческие союзы («буршеншафты»), постнаполеоновская Германия, романтизм, субъективный идеализм, И.Г. Фихте, риторика, политический дискурс в литературе, Вит фон Дёринг, К. Занд, А. Коцебу

Информация об авторе: Ирина Николаевна Лагутина — доктор филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Факультет гуманитарных наук, Школа филологических наук; главный научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, ул. Старая Басманная, д. 21/4, 105066 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9492-6271>

E-mail: ilagutina@hse.ru; irina.lagutina@gmail.com

Для цитирования: Лагутина И.Н. Эхо убийства Коцебу: образ Бакалавра в трагедии Гёте «Фауст. Часть 2» как демоническая маска эпохи // Литературный факт. 2026. № 3 (41). С. 193–222. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-204-233>

Первая сцена второго акта трагедии И.В. Гёте «Фауст. Часть 2» не часто привлекает внимание исследователей, поскольку Фауст в ней фактически отсутствует (он спит «на старой прадедовской кровати»), а весь фрагмент небольшой перепалки Мефистофеля с Бакалавром — студентом, только что окончившим университет — на первый взгляд мало связан с основным действием пьесы. Интерпретаторы обычно ограничиваются общей характеристикой сцены как сатиры на трансцендентальную философию Фихте, называют Бакалавра «пылким идеалистом, который превосходил Фихте в абсолютности», а его высказывания — аллюзией на тезисы «раннего» Фихте¹. К. Будих выдвигает еще одну гипотезу — о Шопенгауэре как объекте иронии Гёте, однако, как замечает исследователь, «доказательство здесь основывается не столько на строгих логических аргументах, сколько на ощущении, что это должно быть так, поскольку сущность Шопенгауэра отражается в содержании сцены»². Автор статьи о второй части трагедии в авторитетной энциклопедии, посвященной Гёте, видит «главную тему» этой сцены в том, что, поэт, критически относясь к молодому поколению 1820-х гг., противопоставляет его «бунтарям» «Бури и натиска», считая Бакалавра символом разрушительного отношения к прошлому, «ликвидаторским вариантом» [12, S. 419]. В данной статье мы попробуем переосмыслить и дополнить эти интерпретации, взглянув на сцену с Бакалавром под другим углом зрения. В этой связи важен разговор Гёте с П. Эккерманом 6 декабря 1829 г., когда Гёте читал своему секретарю незадолго до этого заверченный второй акт трагедии, и речь зашла о фигуре Бакалавра:

¹ Goethe J.W. Faust. Zweiter Theil / Erläutert von Heinrich Dünzer. Dritte, neu durchgesehene und vermehrte Auflage. Leipzig: Wartig's Verlag. 1879. S. 112.

² Budich K. Der Baccalaureus im zweiten Teile des Faust // Schopenhauer-Jahrbuch. 1913. S. 10.

Разве в нем вы не воплотили некую группу философов-идеалистов? — спросил я.

— Нет, — отвечал Гёте, — он олицетворяет собой наглуемую самонадеянность (Anmaßlichkeit), часто присущую молодым людям, *яркие примеры коей были явлены нам после нашей Освободительной войны.* (курсив мой. — И.Л.) [3, с. 328]

Это важное для настоящей статьи суждение Гёте прямо отсылает к посленаполеоновской эпохе, когда в Германии начинается формирование студенческих союзов, возникших на историческом перекрестке романтического мировоззрения и опыта наполеоновских войн — так называемых «буршеншафтов» („Burschenschaften“), первые из которых появились в 1815 г. в Йенском университете. Вернувшись с войны, молодые люди перенесли воинственный энтузиазм в академическое пространство, сохранив патриотический пафос как личное призвание и сакральный долг. В университетских аудиториях теперь обсуждали не Канта, а «освобождение» и «объединение» Германии, не Лессинга или Шиллера, а «священное право мести» предателям нации. Академическая элита отныне мечтала не об истине, а о «великом пробуждении» «народного духа». Германия, едва оправившись от наполеоновских бурь, стремительно погружалась в романтизированную одержимость собственной судьбой, оказавшись в ситуации идеологического раскола. Несмотря на то, что в современной историографии «буршеншафты» прежде всего рассматриваются в положительном ключе как предшественники германского национального объединения [4, с. 364], отстаивавшие лозунги свободы, единства и реформ и представлявшие Германию, освобожденную от раздробленности и иностранного господства [11, S. 119], их наследие не столь однозначно. Риторика «духа нового времени», в котором националистический миф, юношеский фанатизм, идеологические утопии университетских профессоров и сакрализация смерти у философов-романтиков привели к важнейшим культурным последствиям, запустила не только процессы объединения страны, но и тревожную для тех интеллектуальных кругов Германии, которые были ориентированы на просветительскую традицию, радикализацию студенческого движения. Происходит не столько политизация эпохи, сколько ее внутреннее преобразование — религиозно-эстетическая романтизация политического. Индивидуальность и ее субъективный выбор, «этика убеждений» („Gesinnungsethik, Überzeugungsethik“), которую в своей «практической философии для буршей» обосновывал профессор права Йенского университета

Я.Ф. Фриз³ — один из лидеров студенческого радикализма, становится важнее «права» и «закона». И тогда студент теологического факультета с кинжалом, заколовший писателя из-за несовпадения взглядов, воспринимается уже не как преступник, а как трагический герой, окруженный ореолом возрождающейся нации.

Ярким проявлением этой парадоксальной логики стали два резонансных события. Во-первых, в 1817 г. в замке Вартбург, расположенном недалеко от Йенского университета, состоялась массовая студенческая манифестация, приуроченная к 300-летию Реформации и очередной годовщине победы над Наполеоном. Одним из центральных эпизодов празднества стало символическое сожжение «реакционных» книг, воплощающих идеологию «не-немцев» („Undeutschen“). В костер были брошены двухтомник А. Коцебу «История немецкой империи от ее зарождения до падения» („Geschichte des deutschen Reiches von dem Ursprunge bis zu dessen Untergange“, 1814–1815), пьесы 3. Вернера — венского романтика-католика, книга драматурга К. Иммермана «Слово, достойное внимания» („Ein Wort zur Beherzigung“, 1817), которую один из ораторов фестиваля профессор Йенского университета Л. Окен позднее охарактеризовал в своем журнале «Изида» как «направленную против студенческих союзов»⁴. По сообщению берлинского еженедельника «Наблюдатель на Шпрее», среди преданных огню текстов оказались даже акты Священного союза⁵. Во-вторых, в 1819 г. произошло убийство драматурга Августа фон Коцебу как «шпиона» царской России, ставшего в глазах националистов «символом порабощения немецкой свободы иностранной державой»⁶, — преступление, которое теолог В.М.Л. де Ветте назвал «прекрасным знамением времени»⁷; а философ Й. Гёррес закрепил в общественном мнении формулу «неодобрение действия при одобрении мотивов»⁸.

Важным аспектом для понимания позиции Гёте по отношению к политическим событиям этого времени являются свидетельства

³ Fries J.F. Handbuch der praktischen Philosophie oder der philosophischen Zwecklehre: Ethik, oder die Lehren der Lebensweisheit. Heidelberg: Mohr und Winter, 1818. 394 S.

⁴ [Oken L.] Der Studentenfriede auf der Wartburg // Isis. 1817. № 11–12. S. 1558.

⁵ Beilage zu „Der Beobachter an der Spree“. 31.10.1817. № 1. Это приложение к еженедельнику было выпущено специально для публикации довольно длинного отчета о Вартбургском фестивале. См.: Andrée L. Karl Ludwig Sand: eine biografisch-psychologische Darstellung // Zürcher Diskussions: Flugblätter aus dem Gesamtgebiet des modernen Lebens [Paris]. 1899. №. 13–15. S. 11.

⁶ Goerres J. Teutschland und die Revolution. Koblenz: Hölscher, 1819. S. 107.

⁷ Wette W.M.L. Aktensammlung über die Entlassung des Professors de Wette vom theologischen Lehramt in Berlin. Leipzig, 1820. S. 5.

⁸ Goerres J. Teutschland und die Revolution. S. 109.

его современников, в частности, письмо австрийского политическо-го деятеля и дипломата А. фон Гейнца от 18 августа 1818 г.:

Я обедал у Каподистрии... Гёте тоже присутствовал, но не ска-зал ни слова. С другой стороны, несколькими днями ранее... мы имели с ним продолжительную беседу о студенческих беспорядках, во время которой Гёте вел себя довольно неловко, пытаясь сохра-нять нейтралитет, однако не скрывая при этом своего глубочайшего отвращения к событиям последних лет в Веймаре и Йене⁹.

Эти несколько лет (с 1815 г., когда был основан первый студен-ческий союз, до 1919 г., когда после убийства Коцебу по решению Карлсбадских указов немецкие университеты были лишены ряда вольностей и привилегий), стали для культурной и интеллекту-альной жизни Германии «временем сумятицы и беспорядков» („Verwirrungen der Zeit“), которые уничтожили «спокойную уни-верситетскую жизнь», как отмечает К.В.Ф. Зольгер¹⁰. Г.В.Ф. Гегель бросает «печальный взгляд на состояние стольких молодых умов» („so vieler junger Gemüter“)¹¹; а остроумный Г. Гейне определяет появившийся в студенческих кругах радикальный национализм как «ограниченность» и «духовную судорогу» — «неуклюжую и гряз-ную оппозицию» против гуманизма «всех образованных людей Германии», называя новую идеологию «идеалистическим хамством» („idealistische Flegeltum“) [1, т. 4, с. 337].

Гёте — один из центральных культурных авторитетов эпохи, формально лояльный государству и не принимающий идеологии «больного»¹² романтизма, уклоняется от непосредственной вов-леченности в политические дискуссии, «не являясь сторонником публицистического дискурса о государстве, обществе и политике» [9, S. 139].

⁹ Перевод здесь и далее мой. — И.Л.

¹⁰ Solger K. W.F. Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechseln / Hrsg. Ludwig Tieck und Friedrich von Raumer. 2 Bde. Leipzig, 1826. Bd. 1. S. 721–722.

¹¹ Hegel G. W.F. Solgers nachgelassene Schriften und Briefwechsel / Rezensionen aus den Jahrbüchern für wissenschaftliche Kritik // Hegel G. W.F. Werke in 20 Bde. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe. Redaktion Eva Moldenhauer und Karl Markus Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. Bd. 11. S. 223.

¹² Ср.: «Классическое — это здоровое, романтическое — больное» („Klassisch ist das Gesunde, romantisch das Kranke“) (Goethe J. W. Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bde. 9. Aufl. München: C.H.Beck, 1981. Bd. 12. S. 487); «Большинство новейших произведений романтично не потому, что они новы, а потому, что слабы, хилы и болезненны, древнее же классично не потому, что старо, а потому, что оно сильно, свежо, радостно и здорово» [3, с. 295].

Замечание Гейнца подчеркивает двусмысленность и сложность позиции поэта и веймарского министра, который, будучи свидетелем того, как слова становятся орудием радикализации националистического сознания, и убежденный, что истинная политика осуществляется прежде всего в пространстве культуры, стремится защитить свою мысль и творчество от идеологической ангажированности и эмоциональной истерии эпохи.

В то время, когда тысячи молодых голосов требуют жертвенного героизма, он пишет «Западно-восточный диван», наполняя немецкое стихосложение восточными ароматами Ширази и смысловой музыкой Хафиза. При этом одна из частей цикла называется «Рендж-наме. Книга Недовольства» („Rendsch-Nameh: Buch des Unmuts“), и в нее включены стихи с по-гётевски тонкой, но совершенно однозначной критикой современного состояния общества, власти, религии и человеческой природы, а сама книга издана в 1819 г. — в год убийства Коцебу. В то время, когда академические интеллектуалы формируют романтический миф о «новой Германии» как наследнице немецкой средневековой доблести, основывая «гимнастические клубы», где «бурши» учатся использовать мечи и шпаги в духе средневекового германского культа, Гёте в 1816 г. запускает культурный проект иного рода — журнал «Об искусстве и древности» („Über Kunst und Altertum“), противостоящий урагану национально-религиозного восторга. Средневековье в нем предстает не как объект мифотворчества, а как зеркало культурной памяти и сцена скрытого диалога с современностью. В то же самое время он публикует статьи о немецком готическом искусстве, иронически дистанцируясь и подчеркивая неэстетическую идеологизацию «новонемецкого патриотического искусства — как формы, пожираемой содержанием» [7, Abt. IV, Bd. 28, S. 23]. Его секретарь Ф.В. Римау отмечает в середине 1817 г.: «Гёте любил говорить: „патриотизм портит историю“» („Der Patriotismus verdirbt die Geschichte“). И еще одна запись: «Я готов помочь каждому человеку доброй воли. Но когда я чувствую злую волю, я делаюсь настороже, чтобы не оказаться вдруг соучастником»¹³.

В том же самом фрагменте разговора с Эккерманом, с которого мы начали статью, речь зашла о «демонизме», и Гёте продолжил:

Так я не могу отделаться от мысли, что *демоны, желая под-
разнить и подурaczyć человечество*, время от времени позволяют
возникнуть отдельным личностям, столь обольстительным и вели-

¹³ Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Leipzig 1889–1896. Bd. 3. S. 282.

ким, что каждый хочет им уподобиться, однако возвыситься до них не в состоянии» (курсив мой. — *И.Л.*) [3, с. 329].

Соединение в этом высказывании «наглой самонадеянности» новой политизированной студенческой молодежи и «демонизма» не случайно: именно через «демоническое» Гёте пытается осмыслить глубинные причины убийства Коцебу; стремится понять, почему на холме Вартбурга (словно на горе Броккен в Вальпургиеву ночь в «Фаусте») сжигают книги, или почему современная молодежь восторженно поет патриотические песни о крови и смерти.

Слово «демоническое» („das Dämonische“), которое в эту эпоху входит в поэтический словарь Гёте, обозначало в его языке некую загадочную категорию, одновременно творческую и разрушительную стихию, которая действует в самых разных явлениях и личностях — от гениев в искусстве до политических деятелей — таких, как Наполеон или Тамерлан. Не являясь религиозным или этическим понятием, «демоническое» представляло собой силу, выходящую за границы добра и зла, за рамки привычных философских категорий — начало, «перед коим испытываешь благоговение, не осмеливаясь даже попытаться рационально его объяснить»¹⁴ [3, с. 393]. При этом «демоническое» выступает как инструмент культурно-исторического анализа — безличная энергия истории, способная разрушить любые рациональные конструкции, вовлекающая народы в стихийное безумие, толкая отдельных людей к творческому озарению или фанатизму, а культуру — к развитию или, напротив, к состоянию хаоса, разрушению или насилию. В конечном итоге, «демоническое» позволяет Гёте создать целостную картину романтической эпохи, в которой рациональное сталкивается с иррациональным, творческое вдохновение соседствует с разрушительной одержимостью, а человеческая свобода оказывается подвержена тайным и неконтролируемым силам истории. Гёте подчеркивает, что «демоническое» «предпочтительно выбирает сумеречные времена»¹⁵ [3, с. 422], незаметно проникая в сознание людей, которые оказываются в его власти, убежденные в собственной автономности — направляя их по пути, который они сами никогда бы сознательно не выбрали, но которому все равно следуют с необъяснимой страстью и убежденностью. Оно «завладевает человеком, делая с ним что вздумается, он же бессознательно предается ему, уверенный, что действует в согласии

¹⁴ *Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 8. S. 24.*

¹⁵ *Ibid. S. 69.*

с собственными побуждениями»¹⁶ [3, с. 554]. Именно художественный образ становится наиболее эффективным инструментом для выражения того, что ускользает от строгих рациональных определений, или, как напишет Гёте в «Поэзии и правде», «я пытался спастись от этого ужасного существа, укрывшись, по обыкновению, за каким-то поэтическим образом» [2, т. 3, с. 650]. И Гёте создает образ Бакалавра, пародию на Фауста, увиденного «сумеречной» эпохой в кривом зеркале, — гротескного юнца с кровожадными лозунгами и поразительной уверенностью в том, что «жизнь человека живет в крови» (букв. перевод выражения „Des Menschen Leben lebt im Blut“) [6, S. 208], карикатурного пророка, проговаривающего ключевые мифологемы националистов.

Гёте, студенческий радикализм и Йенский университет

Поскольку отношение Гёте к феномену «буршеншафтов», по-видимому, до сих пор не становилось предметом специального научного исследования, обозначим предварительные контуры данной темы, необходимой для последующей интерпретации сцены с Бакалавром.

Как указывает датированная рукопись, Гёте обдумывает «схему» второго акта «Фауста» в мае 1827 г. [7, Abt. III, Bd. 11, S. 59–60]; начинает работать над первой сценой, где появляется фигура Бакалавра, осенью того же года [13, S. 616]; и уже в январе-феврале 1828 г. упоминает об этом в нескольких письмах [7, Abt. IV, Bd. 43, S. 260–261, 279]. 26 июля 1828 г. он пишет своему другу композитору К.Ф. Цельтеру: «Начало второго акта удалось» [7, Abt. IV, Bd. 44, S. 226].

Обращение Гёте в 1827–1828 гг. к идеологическим дискуссиям десятилетней давности, требует краткого историко-культурного комментария. Отметим некоторые события, которые могли актуализировать в сознании Гёте эту эпоху и оказать влияние на концептуальное оформление сцены с Бакалавром.

Во-первых, в конце 1827 г. был опубликован итоговый отчет Центральной следственной комиссии в Майнце, которая занималась расследованием радикальных действий членов студенческих союзов (так называемых «демагогов»), а также обширная переписка между членами комиссии и правительствами немецких земель¹⁷. В этом

¹⁶ Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 6. S. 282.

¹⁷ Hauptbericht der Zentraluntersuchungskommission zu Mainz über die gesamten

отчете содержался подробный анализ студенческих объединений, их обширные контакты с немецкими эмигрантами, французскими политиками и интеллектуалами, анализировались взгляды конкретных представителей «буршеншафтов» и их утопические политические проекты, были приведены свидетельства и записи допросов участников событий, затрагивалась «особая» роль Йенского университета, «его прессы и академических кафедр» в распространении политического «фанатизма»¹⁸. Особенно остро, согласно отчету комиссии, эта ситуация проявлялась среди студентов-филологов и юристов Йены.

Так, филологи, по мнению комиссии, не хотели получать «классическое образование», «столь важное для немецкой культурной традиции», и переключались на изучение «новой философии» или на «гимнастические занятия» („Turnplägen“), следуя «учебнику гимнастики» („Turnbuch“), написанному Ф.Л. Яном, что существенно влияло на их жизненные установки¹⁹. Согласно показаниям одного из йенских студентов, изучавшего там античную литературу, после возникновения студенческого союза академическая жизнь стала характеризоваться «высокомерием и самонадеянностью в суждениях, наряду с полужнанием, деятельной праздностью (geschäftigem Müßiggange) и односторонностью»:

Вместо основательного классического образования все говорили только о народном образовании, не подразумевая под этим, как я позже обнаружил, ничего определенного, и в то время как настоящее презиралось и поносилось, на первый план выдвигалось прошлое средних веков, которое больше вызвало к темным и бессознательным чувствам, и при большом воображении можно было посвятить себя в средневековые рыцари²⁰.

Resultate der Untersuchungen gegen die geheimen Verbindungen und demagogischen Umtriebe, Beiakte 1–3 Bd. 1–4. 1826–1827 // Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, I. HA Rep. 77. Tit. 9. Nr. 5.

Далее протоколы Центральной следственной комиссии цитируются по изд.: *Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind.* Frankfurt am Main: Verlag von Meidinger Sohn & Comp., 1860. 718 S.

¹⁸ *Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind.* S. 117, 187, 370.

¹⁹ *Ibid.* S. 242.

²⁰ *Ibid.* S. 241.

Для Гёте, чье мировоззрение было основано на античном идеале гармонии, меры, классического образования и внутреннего «самоограничения», университет являлся важнейшим инструментом формирования — посредством «воспитания духа» („Bildung“) — «культивированной» по гумбольдтовскому образцу, «образованной» и целостной личности, когда свобода понималась как энергия действующего разума, а не как разрушительная страсть «народного духа». Поэтому описанная в отчете ситуация в Йенском университете не могла вызвать у него одобрение: студенты-юристы, презирая римское право, отказывались от его изучения ради правосудия по личному убеждению, а студенты-филологи пренебрегали изучением античной классики ради «нового средневекового патриотизма», становясь в воображении средневековыми рыцарями и создавая иллюзорно-утопическую альтернативу современности. Выражение «деятельная праздность» („geschäftiger Müssiggang“) карикатурно точно отражает то, что Гёте всегда критиковал — пустое делание, лишенное внутренней работы — гимнастические упражнения, дуэли и рыцарские турниры, коллективные песнопения и политические собрания, где университетские профессора произносили пламенные, но одновременно «глупые и инфантильные» речи²¹. И сама идея переделать государство согласно своим идеалам — это, по мнению Гёте, попытка навязать «жизни» форму, не соответствующую ее внутреннему развитию. И наконец, на глубоко личном уровне — Йенский университет был для Гёте почти собственным детищем. В его ведении долгие годы находились культурно-политические дела Веймарского Великого герцогства, под его непосредственным руководством был «особый департамент» «по надзору за учреждениями науки и искусства в Веймаре и Йене» [9, S. 131, 134–135]. Поэтому видеть, как Йенский университет, который он курировал и формировал как очаг просвещенного разума, превращается в центр радикального фанатизма и «псевдоинтеллектуального средневековья», означало для него не только политическое, но и экзистенциальное разочарование, духовную катастрофу, в которой разум уничтожается лозунгом, «образование» („Bildung“) уступает место «гимнастике» („Turnplatz, Turnwesen, und Turnleben“)²². И Гёте не понаслышке

²¹ Hegel G.W.F. Solgers nachgelassene Schriften und Briefwechsel / Rezensionen aus den Jahrbüchern für wissenschaftliche Kritik // Hegel G.W.F. Werke in 20 Bde. Auf der Grundlage der Werke von 1832–1845 neu edierte Ausgabe. Redaktion Eva Moldenhauer und Karl Markus Michel. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1979. Bd. 11. S. 222–224.

²² Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu

знает об этих изменениях — 16 декабря 1817 г. в письме к Цельтеру, он сообщает:

Я живу между Веймаром и Йеной. В обоих местах у меня есть дела, которые мне нравятся; в Йене я могу заниматься [наукой] и учиться одновременно. Естественные науки, особенно химия, настолько полны жизни, что человек снова молодеет самым приятным образом, находя свои ранние интуиции, надежды и желания реализованными и свидетельствующими о самом высоком и лучшем, к чему можно было бы вознести свои мысли. Таким невинным образом я молчу и позволяю испариться противной вони вартбургского пожара (Feuerstank), от которого себя отвратительно чувствует вся Германия, у нас он уже давно бы выдохся, если бы северо-восточный ветер его не возвратил, вторично отравляя нам жизнь [7, Abt. IV, Bd. 28, S. 335].

Отдельный фрагмент отчета был посвящен отношению к Гёте в студенческих кругах, что является уникальным и ранним свидетельством для изучения причин негативного отношения к нему членов будущей литературно-политической группы «Молодая Германия», называвших его «катарактой в немецком глазу» и «раковой опухолью на теле Германии» (Людвиг Берне)²³. Речь идет не просто о личной антипатии или юношеском бунте, а о культурном сдвиге — глубоком конфликте поколений и мировоззрений:

...почти всеобщее осуждение в этом кругу Гёте, этого божественного учителя немецкой нации — он унижен, презираем и считается почти никчемным среди молодого поколения, поскольку он наслаждается прекрасным существованием в возвышенном и блаженном покое и ничего не пишет и не кричит миру о народности, политике или государственной мудрости (von Volksthümlichkeit, von Politik und von Staatsweisheit)²⁴.

Следует отметить, что первоначально Гёте воспринимался молодыми романтиками как почти сакральная фигура — в эпоху

Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. S. 243–244.

²³ Boerne L. Briefe aus Paris. 1830–1831. 2 Bände. Hamburg: Hoffmann & Campe, 1832. Bd. 1. S. 147–148.

²⁴ Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. S. 243–244.

наполеоновских войн его проезжающую мимо карету восторженными криками приветствовал студенческий состав Лютцевского добровольческого корпуса, после Вартбургского фестиваля ему нанесли визит несколько активных ораторов (Гёте специально отметил их визит в своем дневнике), Занд обращался к Гёте с просьбой передать один из пустующих домов в Веймаре под нужды Йенского студенческого союза, на что Гёте ответил отказом; «отец гимнастики» Ян прислал ему с подобострастным письмом свой учебник, профессор Йенского университета Г. Люден, задумав издание нового политического журнала, просил покровительства у Гёте и обращался с просьбой написать туда статью, на что получил благожелательный, но твердый отказ. Молодежь искала страсть, кровь, нацию, гимн и бунт, а Гёте им предлагал форму, меру, классическую античность — как сказал бы Томас Манн, «аристократизм духа».

Отчет сопровождался приложениями, среди которых были выдержки из протоколов заседаний веймарского правительства, членом которого являлся Гёте, обсуждавших эти материалы²⁵. В том же году было опубликовано «Судебное решение против членов так называемого Союза молодежи на основании расследований, проведенных в Кёпнике»²⁶, и подробности судебного процесса над ними в веймарском уголовном суде²⁷; ассессор уголовного суда великого герцога в Эйзенахе В.Ф. Бишофф в 1826 г. написал книгу «Предательский союз немецкой молодежи. Вклад в историю отечества и в патриотическое право»²⁸. Материалы следственной комиссии и появившиеся публикации по следам событий подчеркивали серьезность общественно-политической ситуации и демонстрировали вовле-

²⁵ Ibid. S. 235–237, 539.

²⁶ Erkenntniß wider die Mitglieder des sogenannten Junglingsbundes auf den Grund der zu Cöpnik stattgefundenen Untersuchungen und den hierüber verhandelten Akten, gesprochen von dem Königl. Ober-Landesgericht zu Breslau / Hrsg. Anton Eduard. Halle, 1826. 56 S.

²⁷ Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. S. XXVI–XXVII.

²⁸ Неопубликованная рукопись: *Bischoff W.F.* Der Staatsverrätherische Bund der Deutschen Jünglinge. Ein Beitrag zur Geschichte des Vaterlandes und zum vaterländischen Rechte // Библиотека герцогини Анны Амалии в Веймаре. URL: <https://haab-digital.klassik-stiftung.de/viewer/image/3520247321/2/> (дата обращения: 05.11.2025). Он был писателем, автором немецко-цыганского словаря (1926 г.) и путевых очерков по Саксонии и Богемии (1825) «с намерением лучше понять политическое и моральное состояние этих стран», а также нескольких изданий судебных казусов и следственных дел, например о «мошенничестве» «некромантов девятнадцатого столетия», разоблачал «последствия веры в магию» (Также см.: *Bischoff W.F.* Die Geisterbeschwörer im neunzehnten Jahrhundert oder die Folgen des Glaubens an Magie aus Untersuchungs-Acten dargestellt vom Großherzoglich Sächs. Criminalgerichts-Assessor D. Bischoff in Weida. Neustadt a.d. Orla: Wagner, 1823. S. 4).

ченность властей на самом высоком уровне в стремление пресечь возобновление политической активности вновь возрождавшихся радикальных студенческих групп. Как сообщалось в отчете, «стихий, в которой движется и развивается это зло, несомненно, являются буршеншафты»²⁹.

Во-вторых, осенью 1826 г. вышли два тома посмертных сочинений философа и профессора Берлинского университета К.В.Ф. Зольгера, где большую часть занимала его переписка, касающаяся событий вокруг студенческого движения, убийства Коцебу и попыток канонизировать в общественном мнении преступление Занда. Как указано в каталоге книг Гёте, он брал в веймарской библиотеке оба тома, держа их у себя с 19 января 1827 г. до 21 марта 1827 г.³⁰. 20 января 1827 г. он делает запись в дневнике: «Продолжил читать сочинения Зольгера и обдумывать обстоятельства» (здесь и далее курсив мой. — И.Л.). 22 января: «Переписка Зольгера дает представление о важном, но мрачном круге». 23 января: *Возвращаюсь к переписке Зольгера* [7, Abt. III, Bd. 11, S. 10–11]. В январе того же года Эккерман записывает:

Я хочу показать вам кое-что, — сказал Гёте, — что будет вам интересно. Пожалуйста, дайте мне один из томов перед вами. Вы знаете Зольгера?... он умер несколько лет назад... и теперь опубликовано собрание его посмертных сочинений и писем... *его письма превосходны*³¹.

Одновременно с Гёте на это же издание обратил внимание Гегель, опубликовав в том же году рецензию в журнале «Ежегодники научной критики»³². Факт знакомства с этой рецензией документально подтверждается дневниковыми записями Гёте от 1 и 2 мая 1828 г. [7, Abt. III, Bd. 11, S. 212–213]. Гегель, делая обзор писем Зольгера, вводит его размышления в орбиту философских

²⁹ Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. S. 240.

³⁰ Библиографическое описание состава личной библиотеки Гёте и роспись взятых им на время книг в Библиотеке герцогини Анны Амалии доступны в электронном виде: Goethe Bibliothek Online / Sammlung: Ausleihen. URL: <https://opac.lbs-weimar.gbv.de/DB=2.5/FKT=1016/FRM=%2509%2BSolger's%2Bnachgelassene%2BSchriften/IMPLAND=Y/LNG=DU/LRSET=1/SET=1/SID=8629d8cc-0/SRT=YOP/TTL=1/SHW?FRST=2> (дата обращения: 05.11.2025).

³¹ Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 6. S. 32.

³² Hegel G.W.F. Solgers nachgelassene Schriften und Briefwechsel / Rezensionen aus den Jahrbüchern für wissenschaftliche Kritik. S. 205–235.

дискуссий эпохи, цитируя большие фрагменты и подчеркивая, что особенно «примечательны его высказывания о преступлении Занда и духе, нашедшем в нем выражение»³³. Письма Зольгера оказались настоящим «сейсмографом» настроений университетской молодежи, в которых обнаруживается «смесь изначального благонравия с ограниченностью, глупостью, <...> высокомерием, бессознательным религиозным лицемерием перед собой и другими, которое заставляет содрогаться <...> Мы не станем винить никого персонально» — виноват, «популярный дух времени» (*der beliebte Zeitgeist*), — пишет Зольгер: «уже давно все движется в этом пагубном направлении к бессмысленному улучшению мира и пустой гордыне, и этому способствовали самые разные учения». Зольгер называет этот процесс «школой напыщенного, глупого чванства...»³⁴. Гегель подробно анализирует это довольно длинное письмо Зольгера о проявлении «необузданности» (*Ausschweifungen*) студентов, которая поощрялась как академическими профессорами, так и «отдельными людьми», подобными Яну, именно они «делали молодежь безумцами»: «Когда заглядываешь в душу, подобную душе Занда, испытываешь ужас...», замечает автор. Зольгер связывает всплеск радикальности с Вартбургским фестивалем, где публичное сожжение «реакционных» книг обозначило переход к политической иррациональности, называет профессоров, участвующих в этих событиях, «политико-философскими дураками»³⁵.

На этом культурно-политическом фоне образ Бакалавра вырастает в символ целого поколения, став сгустком эпохи, доводящим до предела «популярный дух времени»: юность, религиозно-политическую амбициозность и нетерпимость к прежним авторитетам. Два ключевых монолога Бакалавра являются своего рода театрализованными памфлетами: с одной стороны, на радикальную идеологию национального мессианства студенчества, с другой — на субъективную этику и романтическую философию академической элиты и университетских профессоров.

³³ *Ibid.* S. 223.

³⁴ *Solger K. W. F. Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechseln* / Hrsg. Ludwig Tieck und Friedrich von Raumer. 2 Bde. Leipzig, 1826. Bd. 1. S. 725.

³⁵ *Ibid.* S. 721–722.

Монолог первый: «Лучше всего вас своевременно убить...»

Бакалавр:

Большая дерзость — притязать на то,
Чтоб что-то значить, превратясь в ничто.

Ключ жизни — кровь, она родник здоровья|

А что свежее юношеской крови?

Кровь юноши — в цвету, она горит

И жизнь из жизни заново творит.

Кипит работа, дело создается,

И слабость перед силою сдается.

Пока полмира мы завоевали,

Что делали вы? Планы сочиняли,

Проекты, кучи замыслов и смет!

Нет, старость — это лихорадка, бред

С припадками жестокого озноба.

Чуть человеку стукнет тридцать лет,

Он, как мертвец, уже созрел для гроба,

Тогда и надо всех вас убивать

(Пер. Б. Пастернак) [2, т. 2, с. 256].

Anmaßlich find' ich, daß zur schlechtesten Frist
Man etwas seyn will, wo man nichts mehr ist.

Des Menschen Leben lebt im Blut, und wo

Bewegt das Blut sich wie im Jüngling so?

Das ist lebendig Blut in frischer Kraft,

Das neues Leben sich aus Leben schafft.

Da regt sich alles, da wird was gethan,

Das Schwache fällt, das Tüchtige tritt heran.

Indessen wir die halbe Welt gewonnen

Was habt ihr denn gethan? Genickt, gesonnen,

Geträumt, erwogen, Plan und immer Plan.

Gewiss! Das Alter ist ein kaltes Fieber

Im Frost von grillenhafter Noth;

Hat einer dreyssig Jahr' vorüber,

So ist er schon so gut wie todt.

Am besten wär's, euch zeitig totzuschlagen [6,

S. 208].

Бакалавр появляется в начале второго акта — почти мимоходом — без контекста, без экспозиции, без предыстории. Он — дитя университетской Германии, не отягощенный грузом прошлого — он его отменяет, стирает и заменяет своим принципом: «Лучше всего вас своевременно убить!» („Am besten wär's, euch zeitig totzuschlagend“). Эта зловещая фраза становится эстетическим и этическим принципом фанатика, чей радикализм уже не нуждается ни в каких основаниях. Именно поэтому Бакалавр воплощает ключевой аспект гётевского «демонического», его оборотную сторону — он действует вне моральных категорий, являясь носителем разрушительной энергии, лишенной сострадания и нравственного самоограничения.

Композиционно монолог разыгрывается как спектакль перед Мефистофелем, который, передвигая кресло в партер, превращается из участника сцены в зрителя разыгрываемого перед ним монолога. Уже первую реплику, формально завершающую их перепалку, можно воспринять и как тонкое вторжение «мефистофелевского» — а через него и авторского — голоса в речь Бакалавра: «Большая дерзость — притязать на то, / Чтоб что-то значить, превратясь в ничто» [2, т. 2, с. 256]. Бакалавр словно пойман в ловушку заранее заданной логики: с одной стороны, это «живой» голос эпохи, с другой — карикатурно

гипертрофированный взглядом со стороны, который уже иронически оценил его следующее эффектное театральное представление.

И если Мефистофель, беседуя с Бакалавром, сохраняет ироническую отстраненность и критическую ясность взгляда, то тот демонстрирует полную утрату внутренней меры — никакой самоиронии или рефлексии — лишь безраздельная вера в безошибочность и законность собственной воли, демон эпохи, уверенный, что его «убеждение» и есть единственно возможная истина. Гёте вкладывает в его монолог узнаваемые интонации своего времени, вводя аллюзии на высказывания «буршей», пропущенные сквозь его собственное отношение к студенческому радикализму.

Реакция на убийство Коцебу в окружении Гёте была бурной: современники свидетельствуют, что он был «необычайно взволнован» и «почти все время говорил о политике и, кажется, глубоко ранен внутри». Однако характерна его ремарка, что он «это предвидел, что это должно было произойти именно так, как неизбежное следствие широкомасштабной навязчивой жестокости...» [5, Bd. 3, S. 52]. Его реакция была созвучна позиции Зольгера — оба критиковали не столько индивидуальное насилие, сколько культурный и идеологический «бульон», в котором «глупость, пустота, гордыня» („Dummheit, Leerheit, Hochmut“)³⁶, смешиваясь с религиозным пылом и националистическими страстями, превращались в религиозно-националистический энтузиазм.

Поэтому за фигурой Бакалавра начинают проступать черты Занда и других представителей университетских кругов, в речах и действиях которых просматривается та же логика необходимости и презрения к авторитетам, утверждения личности как автономного государства. Прообразом Бакалавра вполне мог стать студент Йенского университета Ф.Й. Вит фон Дёринг, фигура парадоксальная и опасная. Участник Вартбургского фестиваля и автор программного меморандума, разосланного во все университеты Германии³⁷, он сочетал в себе черты идеолога, авантюриста и будущего автора скандальных мемуаров, в которых описал все свои преступления. С его именем связаны не только политические заявления, но и реальная деятельность по созданию в Йене радикального крыла «непримиримых» („die Unbedingten“), чьи идеологические установ-

³⁶ Solger K.W.F. *Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechseln*. Bd. 1. S. 724.

³⁷ Ilse L.F. Geschichte der politischen Untersuchungen, welche durch die neben der Bundesversammlung errichteten Commissionen, der Central-Untersuchungs-Commission zu Mainz und der Bundes-Central-Behörde zu Frankfurt in den Jahren 1819 bis 1827 und 1833 bis 1842 geführt sind. S. 96.

ки были поразительно близки к тем, которые Гёте столь блестяще обыгрывает в монологах Бакалавра.

Доклад следственной комиссии от 27 января 1825 г. был посвящен специально Виту, и в нем указывалось, что для расшатывания ситуации Вит выдвигает идею «войны личностей»³⁸ — серию индивидуальных политических убийств, в том числе и императора Александра I³⁹. Вит не скрывал, что Занд сообщил ему о своем плане убийства Коцебу, и он даже дал ему необходимые деньги на дорогу. Но наиболее важным в контексте гётевской сцены является то, как Вит формулирует свои убеждения, утверждая принцип «непримиримых»: цель оправдывает средства, и если необходимо, он готов пожертвовать своей матерью ради того, что считает добром!⁴⁰ Гейне, познакомившийся с Витом в Гамбурге в 1827 г., напишет в одном из писем: «...если бы у меня была власть, я бы его повесил» („hätte ich Macht ließe ich ihn hängen“)⁴¹.

Еще одним возможным прототипом Бакалавра мог быть молодой профессор права Карл Фоллен, руководивший группой «непримиримых», который еще радикальнее формулирует новое мировоззрение, в том числе в стихах и песнях, популярных среди студенчества. Вит называет Фоллена «отпетым дьяволом» („der eingefleischte Teufel“), «немецким дьяволом», «кровавым революционером», который всю свою силу сосредоточил на одной проблеме: «убийстве („Mord und Totschlag“) или, что эквивалентно этому, революции». Он «хотел отправить на гильотину все прежнее правительство» и «основал свободное государство внутри собственной личности»⁴², обосновывая право «дьявольской субъективности», автономной и не поддающейся контролю извне: «если человек верит, что он является таким, каким должен быть, он может формировать внешний мир так, чтобы он был похож на него»⁴³.

Вит на допросах дает подробную характеристику образа мыслей «учителя Фоллениуса», и безупречная логика профессора права,

³⁸ Ibid. S. 48.

³⁹ Ibid. S. 105.

⁴⁰ Ibid. S. 101.

⁴¹ Письмо Гейне К.А. Варнгагену фон Энзе от 1 апреля 1828 г. См. *Heine H. Werke, Briefwechsel, Lebenszeugnisse*. Bd. 20, Briefe 1815–1831. (= Heinrich Heine Säkularausgabe) / Hrsg. Fritz H. Eisner und Fritz Mende. Berlin; Paris: Akademie-Verlag; Editions du CNRS, 1970 (Reprint 2021). Bd. 20. S. 321.

⁴² [*Wit von Döring F.J.*] Teutsche Jugend in Weiland Burschenschaften und Turngemeinden: Materialien zu dem verheissenen ersten Theile der Fragmente aus dem Leben des Abentheurers Fer. Johannes Wit, gen. von Döring: mit Bezugnahme auf des Hrn. Majors v. Lindenfels freisinnige Bemerkungen über den zweiten Theil dieser Fragmente. Magdeburg: Heinrichshofen, 1828. S. 66–67.

⁴³ Ibid. S. 72.

готового принести в жертву всех несогласных, свидетельствует о роковом соединении рациональной философии и безжалостного экстремизма:

Его язык был полон силы, как и все его существо, однажды мы спросили его: как вы думаете, возможно ли без крови оживить систему? Он спокойно ответил: «Нет! В худшем случае все, кто имеет иное мнение, должны быть принесены в жертву... Здесь дело не в чувствах, а в необходимости. И если вы убеждены, что то, во что вы верите, есть истина, то чувство необходимого осуществления этой истины не может казаться вам чуждым — разве что из трусости. Средства не принимаются во внимание, когда речь идет о моральной необходимости»⁴⁴.

Личное знакомство Гёте с Витом фон Дёрингом и Фолленом делает этот контекст особенно значимым. 7 декабря 1818 г. Гёте принимал Вита в своем доме, отметив в дневнике: «Личность Дёринга» („Dörings Persönlichkeit“) [7, Abt. III, Bd. 6, S. 156]. Также в дневнике отмечен его визит 1 марта 1828 г. [7, Abt. III, Bd. 11, S. 185], и, судя по свидетельствам современников, Гёте испытывал к нему смесь отвращения, опасения и фатального интереса. В 1826–1828 гг. вышло несколько изданий мемуаров Вита, все они были в веймарской библиотеке, а также, согласно каталогу библиотеки Гёте, входили в его личное собрание⁴⁵. Мемуары Вита вызвали у Гёте интерес, и он отмечает в дневнике 2 марта 1828 г.: «разнообразные разговоры о Вите, называемом Дёрингом». 3 марта: «Некоторые интересные беседы. Упоминался Вит фон Дёринг. Его старые и новые приключения» [7, Abt. III, Bd. 11, S. 185]. 6 марта 1828 г. канцлер фон Мюллер передает слова Гёте:

Что только будет с Витом-Дёрингом в Веймаре? Мы еще пожелаем, что он находится здесь; в его мемуарах нет ни искры духа. Ему суждено по природе быть вечным заключенным; только там

⁴⁴ Ibid. S. 88.

⁴⁵ См.: *Wit von Döring F.J. Fragmente aus meinem Leben und meiner Zeit*. Bd. 1–3. Leipzig: Gräfe, 1827–1830; *Wit, genannt von Döring F.J. Fragmente aus seinem Leben und aus seiner Zeit*. Hamburg: Hoffmann, 1827; [*Wit von Döring F.J.*]. Lucubrationen eines Staatsgefangenen: niedergeschrieben in dem Criminal-Gefängnisse zu Turin, der Citadelle von Mailand, der Frohnfeste zu Baireuth, der Stadtvoigtei zu Berlin, und dem Polizeihause zu Wien; zum Drucke geordnet in der Dänischen Festung Friedrichsort. Braunschweig: Druck und Verlag von Friedrich Vieweg, 1827. 180 S. (Goethe Bibliothek Online / Sammlung: Privatbibliothek digital. URL: <https://opac.lbs-weimar.gbv.de/DB=2.5/SET=4/TTL=2/CMD?ACT=SRCHA&IKT=1016&SRT=YOP&TRM=Wit> (дата обращения: 05.11.2025))

он хорошо разыгрывает свои трюки. Если бы я был герцогом, я бы немедленно его снова арестовал, чтобы он смог вернуться в свою стихию. Я его однажды видел и разговаривал с ним, почему бы и нет? [он интересен] как феномен; но я был бы негодяем (Lump), если бы увидел его во второй раз⁴⁶.

Последняя реплика Гёте стала своего рода светским анекдотом, многократно повторяемым и передаваемым из уст в уста, отличаясь лишь деталями (запись об этом сделал Ф. Сорс; своей жене об этом же пишет Варнхаген фон Энзе и т. д.)⁴⁷. И даже в 1830 г. Эккерман фиксирует:

Вечером при дворе обсуждали визит Вита к Гёте во время его пребывания в Веймаре. Гёте рассказал мне следующую анекдотическую историю. Вит приехал в Веймар и стал просить Гёте о разрешении нанести ему визит. Гёте, испытывая сильное любопытство, отвечает, пусть приходит. После продолжительной беседы искатель приключений прощается и, уходя, говорит, что надеется вскоре снова иметь честь поговорить. «Нет, мой дорогой, — очень решительно ответил Гёте, — это был первый и последний раз. Вы в своей книге сами заявили, что вы опасный человек, и доказываете это своими нескромными высказываниями о людях, с которыми вы встречались. Поэтому позвольте мне не становиться объектом ваших наблюдений и обратиться к Вам с просьбой свой визит не повторять. Прощайте!»⁴⁸

Обратимся к началу монолога Бакалавра, где слово «кровь» („Blut“) повторяется трижды, концентрируя в себе всю символическую и ритмическую энергию образа, выступая одновременно театральной метафорой, философским аргументом и риторическим приемом. Цитированная выше первая строка («Жизнь человека живет в крови») — не просто банальная физиология, а своеобразная декларация, подменяющая христианскую антропологию: не дух, не разум, не душа, а именно кровь является носителем жизни, локализуясь в биологической субстанции, текучей, горячей и полной

⁴⁶ *Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 6. S. 270.*

⁴⁷ *Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Flodoard von Biedermann. 5 Bde. Leipzig, 1909–1911. Bd. 4. S. 213; Varnhagen von Ense K.A. Briefwechsel mit Rahel Varnhagen von Ense. 6 Bände, hrsg. v. Ludmilla Assing, F.A. Brockhaus, Leipzig 1874–1875. Bd. 6. S. 331.*

⁴⁸ *Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 6. S. 270.*

потенций, то есть Бакалавр начинает свой монолог с утверждения, что жизнь — это импульс, циркуляция крови. И юноша, в котором «движется», бурлит и бунтует кровь — не возраст, а философская категория; «кровь юноши» — своеобразная плазма нового мира, «новой жизни», все остальное является остывшим, замедленным, умирающим. Мы видим биологизированный миф о самотворении, своеобразный отголосок романтической идеи автогенеза, но это — не поэзия природы, а насильственная витальность, самодостаточная и самоутверждающая. Этот акцент также можно встроить в более широкую культурную традицию — от раннехристианского мученичества («крещение кровью»⁴⁹) до романтического национализма, когда кровь выступает знаком идентичности нации и ее политического единства, а сам пафос политической кровной общности получает поэтическое выражение в лирике немецкого романтизма эпохи наполеоновских войн⁵⁰.

В протоколах следственной комиссии приведены свидетельства одного йенского студента, которые позволяют взглянуть на Занда как на носителя глубокой трансформации религиозного сознания, сформированного романтической эпохой:

...те, кто знал Занда, учился с ним или принимал участие в священной войне, отмечают, что он всегда имел склонность к энтузиазму и эксцентричности <...> Так он заявил, что он мыслит Бога, как кровь, которая, однако, на земле свернулась (*daß er sich Gott als Blut denke, aber auf Erden sei geronnenes Blut*)⁵¹.

В мотиве «свернувшейся крови» звучит глубочайший трагизм, а возможно, это одно из самых поэтичных и страшных выражений «смерти Бога», предвосхищающее интонации Ницше. И тогда задача

⁴⁹ Baptismus sanguinis, Bluttauf (крещение кровью) — метафорический образ, восходящий к толкованиям Библии (Лк. 12: 50; Ин. 19: 34), где смерть Христа интерпретируется как искупительное крещение. Часто используется в протестантской традиции, начиная с Лютера (Лекции по Посланию к Галатам). Также см. концепцию «гностицизма крови» („blutgnostische Religiosität“), то есть характерную для близкой к национал-социализму почвеннической идеологии «фёлькиш» и неоязыческих учений сакрализацию крови как носителя наследуемого духовного знания, религиозной идентичности и связи с предками. В расистских вариантах этой модели принадлежность к народу и доступ к религиозной истине ставятся в зависимость от происхождения и «своей крови» [10, S. 236].

⁵⁰ Особенно характерна в этом отношении «Песня мести» Теодора Кёрнера, культового в студенческих кругах поэта, погибшего 26 августа 1813 г. в битве при Гадебуше: «...кровь искупайте кровью! Бейте тех, кто носит оружие! Они все — отродья злодеев!... пейте досыта кровь! ...» (*Körner Th. Werke / Herausgegeben von Hans Zimmer. 2 Bde. Leipzig und Wien: Bibliographisches Institut, 1893. Bd. 1. S. 120*)

⁵¹ Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. Altenburg, Leipzig, 1821. S. 209

юноши, героя, энтузиаста — разогреть, вспенить, сделать горячей кровь, снова дать ей брызнуть, совершить ритуал оживления «остывающего» Бога. Эта идея, приведшая Занда к убийству Коцебу, словно преломляется в словах Бакалавра: «Кровь юноши — в цвету, она горит / И жизнь из жизни заново творит».

Сцена подписания договора Фауста с Мефистофелем в первой части трагедии на фоне этого высказывания Занда приобретает особую глубину: Фауст подписывает договор кровью, осознавая цену, которую он должен заплатить за данное ему сакральное знание. Кровь называется здесь «совершенно особым соком» [6, S. 58] — не просто органическим веществом, но субстанцией метафизической силы, демоническими «чернилами», скрепляющими юридическое единство реального и идеального, внутреннего и внешнего, человеческого разума и дьявольского искушения. В сцене с Бакалавром во второй части, в том же самом, но зеркально перевернутом пространстве (та же самая «рабочая комната Фауста»), меняется и сам контракт: если для Фауста кровь — это сакральная связь человека с иным миром, и Фауст берет на себя ответственность за его исполнение, то для Бакалавра кровь — это развязка, разрушение всяких связей, акт самоуверенного освобождения от всякого долга; он не подписывает договор, он хочет кровью обосновать право на собственный приговор.

Вторым важным мотивом в монологе Бакалавра становится изображение конфликта поколений как политико-философской драмы: юность как форма исторического и политического существования возводится в ранг абсолютного принципа, старость же клеймится как символ истощения, инерции и смерти. Эта героизация молодости находит свое экстремальное выражение в идеологической исповеди Занда «Смертельный удар и смертный приговор Коцебу» („Der Todesstoß und das Todesurtheil wider Kozebue“), опубликованной в протоколах следствия по его делу. Этот своеобразный манифест имел эпиграф, звучащий как политический лозунг: «Только в юности — единство»⁵². Занд противопоставляет юности «отсутствие воли к действию» у «искалеченных всезнаек» („verkrüppelte Vielwisse“), которые парализуют претворение «истины» в «жизнь». «Ветхость» и разъедающий порок «привычной священной вежливости» старшего поколения, «состояние жалкой старческой лени» и «сонливости»⁵³ — почти готовые формулировки Бакалавра. Занд жалеет, что исчез «истинный праздничный дух жизни», коим обладали «герои», и здесь проступает не просто тоска по утраченному

⁵² Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. S. 137.

⁵³ Ibid.

величию молодежи эпохи «освободительных войн», но требование возобновить сакральный акт освобождения через жертвенную кровь. Он обращается к своим «друзьям», «буршам»: «Ты должен ненавидеть предателей и лжепророков! <...> Ты должен ненавидеть тщеславных поэтов, проповедников трусости!» И кульминация: Ты должен «ненавидеть и убивать всех» („hasse, morde alle“), кто дерзнет управлять тобой «своими многомудрыми руками»⁵⁴. В этих призывах исчезает различие между реальностью и риторикой, и рождается культ волевого акта как «очищения» от прошлого. Согласно этому новому категорическому императиву, действовать — значит уничтожать; история переписывается не пером, а кинжалом.

В этом контексте важным фактом является книга философа-романтика Й. Гёрреса «Германия и революция», вышедшая в 1819 г. несколькими тиражами, и обратившая на себя внимание Гёте, который прибрел ее для своей библиотеки⁵⁵, а также отметил в дневнике ее чтение 24 октября 1819 г. [7, Abt. III, Bd. 7, S. 105]. Оставив за скобками подход философа к восприятию революции, обратим внимание на его оценку роли молодежи в историческом процессе, которая вполне рифмовалась с установкой романтиков на «новую эпоху» и их тезисом, что история рождается в динамике творчества, в первую очередь молодых умов, чье воображение способно «преобразовать» реальность; «новая эпоха» рождается новым поколением — теми, кто не несет в себе следов распада старого мира:

Если новый дух действительно должен возникнуть из распада прошлого мира, формируясь и образуясь заново, то он должен обязательно сначала родиться в новом поколении, которое послано править нарождающейся эпохой⁵⁶.

Гёррес формулирует идеи, глубоко созвучные идеологии студенческих союзов, в которых юность мыслится как форма исторического существования:

Для молодежи история — это не более чем настоящее, и сама их жизнь только начинает свою собственную историю; <...> все их существо есть лишь свежее, полное, едва схватываемое, переполня-

⁵⁴ Akten-Auszüge aus dem Untersuchungs-Prozess über Carl Ludwig Sand. S. 137–140.

⁵⁵ См.: *Goerres J. Teutschland und die Revolution*, Koblenz: Hölscher, 1819. 212 S. // Goethe Bibliothek Online / Sammlung: Privatbibliothek digital. URL: <https://opac.lbs-weimar.gbv.de/DB=2.5/SET=5/TTL=2/SHW?FRST=4> (дата обращения: 05.11.2025)

⁵⁶ Ibid. S. 101.

ющее настоящее, которое полагает, что содержит в себе все, чему предстоит стать⁵⁷.

Такая чувствительность ко времени — распахнутое настоящее, переполненное будущим, но не отягощенное прошлым — превращает молодость в субъект исторического обновления. Для Гёрреса, как и для гётевского Бакалавра, юность означает «свежесть», «непосредственность» и «творческую энергию», противопоставленные «уснувшему и истощенному старому порядку», и он ощущает «необходимость <...> основать новый закон из собственной свежей природы»⁵⁸.

Монолог второй: «Каждый из них воображает себя Богом-Отцом...»

Вот назначенье жизни молодой:
Мир не был до меня и создан мной.
Я вывел солнце из морского лона,
Пустил луну кружить по небосклону,
День разгорелся на моем пути,
Земля пошла вся в зелени цвести,
И в первую же ночь все звезды сразу
Зажглись вверху по моему приказу.
Кто, как не я, в приливе свежих сил
Вас от филистерства освободил?
Куда хочу, протоптываю след,
В пути мой светоч - внутренний мой свет.
Им все озарено передо мною,
А то, что позади, обьято тьмою.
(пер. Б. Пастернака) [2, т. 2, с. 256–257].

Dies ist der Jugend edelster Beruf!
Die Welt, sie war nicht, eh' ich sie erschuf;
Die Sonne führt' ich aus dem Meer herauf;
Mit mir begann der Mond des Wechsels Lauf;
Da schmückte sich der Tag auf meinen Wegen,
Die Erde grünte, blühte mir entgegen.
Auf meinen Wink, in jener ersten Nacht,
Entfaltete sich aller Sterne Pracht.
Wer, außer mir, entband euch aller Schranken
Philisterhaft einklemmender Gedanken?
Ich aber frei, wie mir's im Geiste spricht,
Verfolge froh mein innerliches Licht,
Und wandle rasch, im eigensten Entzücken,
Das Helle vor mir, Finsternis im Rücken [6, S. 208].

Если первый монолог Бакалавра как бы перехватывает идеологическую риторику «буршеншафтов», то второй — становится художественной полифонией романтических философских концепций эпохи. Уже его первые строки являются пародийным резонансом философии Фихте, почти буквальной драматизацией его тезиса, утверждающего, что Я полагает не-Я и конституирует мир посредством акта самосознания, то есть является источником всякой реальности и опыта, отрицая объективность мира вне своего

⁵⁷ Ibid. S. 105.

⁵⁸ Ibid. S. 106.

восприятия («Я изначально создает объект»⁵⁹, «Я изначально полагает свое собственное бытие»⁶⁰), Гёте здесь доводит до крайности субъективистскую онтологию, показывая, к чему она может привести — к религиозно-философскому эгоцентризму, оторванному от действительности. Бакалавр стремится перестроить мир, чему сам Фихте всегда оставался чужд, оставаясь в границах самосознющего Я, просто структурирующего действительность. Он является своеобразным фихтеанцем-демиургом, перетолковывающим философию Фихте и одновременно разрушающим идею библейского акта творения, подменяя библейский Логос, Слово, субъективной волей, от которой зависит само существование вещей.

Он не ссылается ни на традицию, ни на мораль, ни на разум. Его оправдание — «внутренний свет» („innerliches Licht“), вера в собственное избранничество — романтический солипсизм, доведенный до космического масштаба и превращенный в пустую и наивную театральную риторику. Прежде всего обращает на себя внимание чрезвычайная концентрация личных местоимений первого лица, появляющихся почти в каждой строке монолога (ich, mir, mein), маркируя иллюзию всемогущества человеческой воли. Мир появляется не сам по себе, не по воле Божьей, но в сопричастности с Я — или даже в прямой зависимости от него: по моей воле, «по моему мановению» („auf meinen Wink“) рождается солнце, приходит в движение луна, сменяются день и ночь, расцветает земля и упорядочивается движение звезд. Как замечает Зольгер, в той среде, где формируется фанатизм, «пустое хлопанье религиозными формулами» („das leere Tatscheln mit religiösen Formen“) существует в полном согласии с лозунгом: чтобы кем-то стать, нужно прежде всего публично заявить «Я есмь» („ich bin's")⁶¹.

Следует отметить, что Гёте в целом занимал ироническую дистанцию по отношению к субъективизму Фихте, сделав на полях книги «О понятии наукоучения, или так называемой философии», присланной ему молодым автором в 1794 г., множество маргиналий, а внизу страницы, где Фихте пишет «Я есть не-Я» („Ich ist Nicht-Ich“), Гёте комментирует «Все есть все» („Alles ist alles")⁶² [8, S. 88],

⁵⁹ Fichte J. G. Grundriß des Eigenthümlichen der Wissenschaftslehre in Rücksicht auf das theoretische Vermögen als Handschrift für seine Zuhörer. Jena und Leipzig: Chr. E. Gabler. 1795. S. 61.

⁶⁰ Fichte J. G. Grundlage der gesamten Wissenschaftslehre. Leipzig: Chr. E. Gabler, 1794. S. 13.

⁶¹ Solger K. W. F. Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechseln / Hrsg. Ludwig Tieck und Friedrich von Raumer. 2 Bde. Leipzig, 1826. Bd. 1. S. 721–723.

⁶² Fichte J. G. Über den Begriff der Wissenschaftslehre. Weimar, 1794. S. 38.

язвительно подчеркивая бессмысленность этой идеи, отрицающей строгие границы между субъектом и объектом. В письме Фридриху Якоби, которому он отсылает это сочинение, ирония Гёте выражена в парадоксальной словесной игре: «Дорогой Не-Я („Nicht Ich“), можешь высказать моему Я (Ich) свои мысли по этому поводу? Будь здоров и передавай привет всем собравшимся вокруг тебя добрым и поэтическим Не-Я» (письмо от 23 мая 1794 г.) [7, Abt. IV, Bd. 10, S. 162]. А когда несколько йенских студентов — в разгар споров об атеизме, напрямую связанных с идеей «космогонического Я» в монологе Бакалавра — разбили окна в квартире Фихте, Гёте пишет Х.Г. Фойгту: «Итак, вы увидели абсолютное Я в крайнем затруднении, и, это, конечно, очень грубо со стороны не-Я, которые столь невежливо влетели в окна. Но то же самое случается и с Творцом и Создателем всех вещей — как именуют его теологи, — который также не может справиться со своими созданиями» [7, Abt. IV, Bd. 10, S. 250]. Слова о «затруднительном положении» абсолютного Я и сравнение его с Творцом, который не может справиться со своими созданиями, фактически демонстрируют проблему эгоцентризма философии Фихте, самодовольную ограниченность субъективного идеализма, ставшего, с точки зрения Гёте, метафизической ошибкой Фихте: не существует абсолютной свободы человеческой воли — мораль, филигранно скрытая в образе Бакалавра.

Интересное суждение Гёте о Фихте приводит Г. Партей, которому в эпоху работы над сценой с Бакалавром, 28 августа 1827 г. Гёте сказал, что Фихте занимался прежде всего субъектом: «отсюда проистекают его Я и не-Я, с которыми мало что можно сделать с философской точки зрения. Но его субъективность (Subjektivität) проявляется в другом, а именно в его патриотизме... Вот здесь-то акцент на субъекте был вполне уместен». (Da war es an der Stelle, das Subjekt hervorzuheben)⁶³. Это замечание встраивает философию Фихте в социально-политический контекст, что является ключевым моментом для понимания идеологической направленности его философии. Гёте, с одной стороны, видит в философии Фихте возможность, доведенную до абсурдного субъективного космогонического акта, с другой — подмечает возможность ее политизации, когда формируется «субъект» нации. В таком контексте образ Бакалавра превращается в пародию на тип молодого последователя Фихте нового поколения, чей радикальный идеализм граничит с национально-политическим нигилизмом.

⁶³ Goethe J.W. Gespräche / Hrsg. Woldemar Freiherr von Biedermann. 10 Bde. Bd. 8. S. 428.

Здесь можно обратиться к цитированному выше письму Зольгера, в котором он с раздражением описывает новомодный тип самоуверенного юнца-интеллектуала:

Я достаточно хорошо знаком с такими молодыми мудрецами, каждый из которых воображает себя маленьким Богом-Отцом, и каждый является затхлым филистером, для которого нет ничего святого, кроме пустой, бессмысленной гордыни! Лет десять им проповедовали, что они мудры и превосходны, что от них должно прийти возрождение государства и церкви... Поэтому они считают, что все именно так, как они думают...⁶⁴

С точки зрения Зольгера, эти юнцы сочетают интеллектуальное пустословие, чрезмерное тщеславие и внутреннюю пустоту. Они воображают себя вершителями мира и истории, но на деле лишены подлинного содержания и лишь воспроизводят поверхностные клише эпохи. Примечательно, что Зольгер и Гёте используют одну и ту же формулу о Боге-Отце (монолог Бакалавра начинается с утверждения: «мира не существовало до тех пор, пока я его не создал» („Die Welt, sie war nicht, eh' ich sie erschuf“)), показывая, что в поколении 1810-х гг. романтический образ «бунтующего гения» превратился в почти ролевую модель — молодые интеллектуалы уверовали в собственное мессианство. Романтический «дух времени» („Zeitgeist“) обернулся своей тенью — «истинными духами ада» (если воспользоваться метафорой Зольгера)⁶⁵, или гётевскими «демонами эпохи».

В образе Бакалавра «демоническое» скрывается под маской повседневного и обыденного — молодого, самоуверенного, внешне образованного, прекрасно владеющего языком университета. Не случайным оказывается совпадение слов, с которых начинается первый монолог Бакалавра („Anmaßlich“) и определение эпохи в упоминаемом выше разговоре Гёте с Эккерманом („Anmaßlichkeit“). Подлинная трагедия возникает там, где человек, подобно Фаусту, мучительно переживает внутренний конфликт перед лицом бесконечного познания мира, а ужас рождается там, где другой — подобно Бакалавру — не испытывает ни малейшего сомнения в своем праве распоряжаться миром. Гёте сознательно избегает прямого морализаторского осуждения, представляя Бакалавра скорее симптомом эпохи, продуктом рокового соединения театрализованной риторики

⁶⁴ Solger K.W.F. *Solger's nachgelassene Schriften und Briefwechseln*. Bd. 1. S. 724.

⁶⁵ Ibid. S. 724.

и юношеского радикализма. Бакалавр, таким образом, оказывается не злодеем в традиционном литературном смысле, а фигурой куда более тревожной и опасной: он фанатик, искренне и вдохновенно убежденный в том, что разрушение есть необходимое условие созидания.

Финал второго монолога Бакалавра — триумф его внутреннего порыва и воли. Он идет быстро, он окрылен, он не оборачивается. Позади — тьма, впереди — он сам и свет. Гениальный Гёте подводит нас к выводу: Бакалавр даже не осознает, что он сам эту тьму и порождает. Поэтому особую драматическую остроту этой сцене придает сдержанность реакции Мефистофеля и символическое отсутствие Фауста. Мефистофель не вступает в спор с Бакалавром, словно заранее признавая невозможность диалога там, где мысль превратилась в риторический жест, ограничиваясь многозначительным молчанием («Тут черту больше нечего сказать» [6, S. 208]). И в этом молчании, видимо, и проявляется авторская позиция Гёте: монолог Бакалавра красноречивее любой сатиры демонстрирует, как сталкиваются «кипящий» дух сомнения и страсти отсутствующего Фауста и биологический импульс («кипящая» кровь) Бакалавра, подлинная культура и разрушительная демоническая энергия.

Таким образом, появление Бакалавра в трагедии выходит за пределы чисто сюжетной функции и становится яркой точкой философского и исторического осмысления современности. Бакалавр не совершает действия, он лишь «произносит речь», которая сводится к возвышенному утверждению собственной исключительности и превосходства, за которыми скрывается пугающая пустота, маскирующая глубокий кризис смысла. Эта сцена проясняется в свете слов Гёте из письма Цельтеру от 21 июня 1827 г.:

Поскольку человеческий род движется исключительно стадным образом, вскоре он увлекает за собой большинство, и идущий впереди чистый человеческий разум <...> остается в одиночестве, прежде чем это осознает. Поскольку я больше не хочу спорить, что мне никогда не нравилось, я позволяю себе высмеивать и нападать на их слабые стороны...⁶⁶

Именно таким ответом эпохе становится сцена с Бакалавром: не прямым спором с фанатизмом на его собственном языке, а его

⁶⁶ Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832 / Hrsg. von Friedrich Wilhelm Riemer. 6 Theile. Berlin: Duncker und Humblot, 1833–1834. Bd. 4. S. 340.

драматическим разоблачением посредством иронии. В образе Бакалавра Гёте показывает, как идея свободной и деятельной субъективности, утратившая внутреннюю меру и связь с действительностью, вырождается в риторику самообожествления, за которой уже угадывается готовность утверждать собственную волю любой ценой.

Литература

1. Гейне Г. Собр. соч.: в 6 т. М.: Худож. лит., 1980–1983.
2. Гёте И.В. Собр. соч.: в 10 т. М.: Худож. лит., 1975–1980.
3. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М.: Худож. лит., 1986. 669 с.
4. Behnen M. Deutschland unter Napoleon. Restauration und Vormärz // Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung / Hrsg. von Martin Vogt. 3. Aufl. Stuttgart: Metzler, 1994. S. 349–403.
5. Goethe in vertraulichen Briefen seiner Zeitgenossen / Hrsg. Wilhelm Bode. 3 Bde. Berlin: Aufbau-Taschenbuch Verlag, 1999.
6. Goethe J.W. Faust / Hrsg. und kommentiert von Erich Trunz. München: C.H. Beck, 1998. 777 S.
7. Goethe J.W. Werke / Hrsg. im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen. Abtlg. I–IV. 133 Bände in 143 Teilen. Weimar: H. Böhlau, 1887–1919.
8. Goethes Fichtestudien: Faksimile-Edition von Goethes Handexemplar der Programmschrift „Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre“ (Schriften der Goethe-Gesellschaft) / Hrsg. Wolf von Engelhardt. Weimar: Verlag Hermann Böhlau Nachfolger, 2004. 125 S.
9. Greling W. Goethe als Weimarer Minister // Pariser Historische Studien. Bd. 51. 1999. S. 113–141.
10. Gründer R. Blutgnostische Heilslehren — Erkundungen zur Bedeutung des Blutes in neopaganen Alternativreligionen // Blut. Die Kraft des ganz besonderen Saftes in Medizin, Literatur, Geschichte und Kultur / Hrsg. v. Christine Knust, Dominik Groß. Kassel: Kassel university press GmbH, 2010. S. 229–254.
11. Kronenberg V. Patriotismus in Deutschland. Perspektiven für eine weltoffene Nation. 3. Aufl. Wiesbaden: Springer, 2013. 384 S.
12. Mattenklott G. Faust II // Goethe-Handbuch. Bd. 2. Dramen / Hrsg. von Theo Buck. Stuttgart; Weimar: Metzler, 1997. S. 391–477.
13. Trunz E. Anmerkungen // Goethe J.W. Faust / Hrsg. und kommentiert von Erich Trunz. München: C.H. Beck, 1998. S. 505–756.

Echo of Kotzebue's Murder: The Baccalaureus in Goethe's Tragedy "Faust, Part Two" as a Demonic Mask of the Age

© 2026. Irina N. Lagutina

National Research University "Higher School of Economics" (HSE University),
Moscow, Russia

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University "Higher School of Economics" (HSE University).

Abstract: The article examines a seemingly marginal but conceptually significant scene with the Baccalaureus from the second act of Goethe's tragedy "Faust. Part II," in the context of the ideological and cultural transformations of post-Napoleonic Germany. The focus of the study is the figure of the Baccalaureus as a literary representation of the demonized intellectual youth of the Burschenschaft era. The research employs methods of historical-literary and cultural-philosophical analysis, drawing on investigative records, contemporary correspondence, and Goethe's own reflections. The rhetoric of the Baccalaureus is analyzed as a fusion of Fichtean idealist subjectivism and the ecstatic, religious-prophetic language of revolutionary fanaticism. The study reveals parallels between the Baccalaureus's monologues and the radical public discourse of student leaders in the 1810s. It is argued that the Baccalaureus represents not merely a satirical character but a poetic warning: Goethe demonstrates how the idea of subjective will, when carried to its extreme, replaces thought and dialogue with the rhetoric of destructive action, culminating in the murder of the playwright August von Kotzebue.

Keywords: Goethe, "Faust II," Baccalaureus, Burschenschaften, post-Napoleonic Germany, Romanticism, Fichtean subjectivity, rhetoric, political discourse in literature, Witt von Döring, K. Sand, A. Kotzebue

Information about the author: Irina N. Lagutina, DSc in Philology, Professor, Faculty of Humanities; Director of Research, the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University "Higher School of Economics" (HSE University), Staraya Basmannaya St., 21/4, 105066 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9492-6271>

E-mail: ilagutina@hse.ru; irina.lagutina@gmail.com

For citation: Lagutina, I.N. "Echo of Kotzebue's Murder: The Baccalaureus in Goethe's Tragedy 'Faust, Part Two' as a Demonic Mask of the Age." *Literaturnyi fakt*, no. 3 (41), 2026, pp. 204–233. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2026-41-204-233>

References

1. Geine, G. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected Works: in 6 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980–1983. (In Russ.)
2. Gete, I.V. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.] Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1975–1980. (In Russ.)
3. Ekkerman, I.P. *Razgovory s Gete v poslednie gody ego zhizni* [Conversations with Goethe in the Last Years of His Life]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 669 p. (In Russ.)
4. Behnen, Michael. “Deutschland unter Napoleon. Restauration und Vormärz.” *Deutsche Geschichte von den Anfängen bis zur Wiedervereinigung*, hrsg. von Martin Vogt. 3. Aufl. Stuttgart, Metzler Publ., 1994, S. 349–403. (In German)
5. *Goethe in vertraulichen Briefen seiner Zeitgenossen*, hrsg. Wilhelm Bode. 3 Bde. Berlin, Aufbau-Taschenbuch Verlag, 1999. (In German)
6. Goethe, Johann Wolfgang. *Faust*, hrsg. und kommentiert von Erich Trunz. München, C.H. Beck Publ., 1998. 777 S. (In German)
7. Goethe, Johann Wolfgang. *Werke*. Herausgegeben im Auftrage der Großherzogin Sophie von Sachsen. Abtlg. I–IV. 133 Bde in 143 Teilen. Weimar, H. Böhlau Publ., 1887–1919. (In German)
8. *Goethes Fichtestudien: Faksimile-Edition von Goethes Handexemplar der Programmschrift „Ueber den Begriff der Wissenschaftslehre“* (Schriften der Goethe-Gesellschaft), hrsg. Wolf von Engelhardt. Weimar, Verlag Hermann Böhlau Nachfolger Publ., 2004. 125 S. (In German)
9. Greling, Werner. “Goethe als Weimarer Minister.” *Pariser Historische Studien*, Bd. 51, 1999, S. 113–141. (In German)
10. Gründer, René. *Blutnostische Heilslehren — Erkundungen zur Bedeutung des Blutes in neopaganen Alternativreligionen. Blut. Die Kraft des ganz besonderen Saftes in Medizin, Literatur, Geschichte und Kultur*, hrsg. Christine Knust, Dominik Groß. Kassel, Kassel University Press GmbH Publ., 2010, S. 229–254. (In German)
11. Kronenberg, Volker. *Patriotismus in Deutschland. Perspektiven für eine weltoffene Nation*. 3. Aufl. Wiesbaden, Springer Publ., 2013. 384 S. (In German)
12. Mattenklott, Gert. *Faust II. Goethe-Handbuch*. Bd. 2. Dramen, hrsg. Theo Buck. Stuttgart, Weimar, Metzler Publ., 1997, S. 391–477. (In German)
13. Trunz, Erich. “Anmerkungen.” Goethe, Johann Wolfgang. *Faust*, hrsg. und kommentiert von Erich Trunz. München, C.H. Beck, 1998, S. 505–756. (In German)

Статья поступила в редакцию: 05.11.2025
Одобрена после рецензирования: 16.06.2026
Дата публикации: 25.09.2026

The article was submitted: 05.11.2025
Approved after reviewing: 16.06.2026
Date of publication: 25.09.2026